УДК: 323.2:316.48 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–6–111–127

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМ КОНФЛИКТОМ

Кольба А. И., Сазантович А. Б.[1]

Цель исследования – выявить возможности визуализации как одного из элементов политического управления городским конфликтом. В статье рассматриваются теоретические аспекты исследования визуализации политических процессов, а также особенности использования данного инструмента в регулировании конфликтов в городском социуме. Определены направления использования методов визуализации: анализ конфликтных ситуаций, формирование символического пространства конфликта, формирование общественного мнения. Последнее представляется наиболее важным в городском конфликте, т. к. позволяет акторам, не обладающим значительным ресурсным потенциалом, активизировать широкие слои городской общественности и повысить свой ранг в конфликте. На примерах городских конфликтов в г. Краснодаре анализируются эффекты применения технологий визуализации конфликта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

Результаты исследования могут быть использованы для повышения эффективности политического управления городскими конфликтами, совершенствования методов их регулирования.

Ключевые слова: городской конфликт, конфликтные ситуации, политическое управление, акторы, визуализация, политические технологии.

Кольба Алексей Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, адрес: 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, д.149, e-mail: alivka2000@mail.ru

Сазантович Алексей Борисович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, адрес: 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, д.149, e-mail: vertgalant@mail.ru

VISUALIZATION AS AN ELEMENT OF POLITICAL MANAGEMENT OF URBAN CONFLICT

KOLBA A.I. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State Policy and Public Administration of the Kuban State University (Russian Federation, Krasnodar), e-mail: alivka2000@mail.ru

SAZANTOVICH A. B. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of State Policy and Public Administration of the Kuban State University (Russian Federation, Krasnodar), e-mail: vertgalant@mail.ru

The purpose of the study is to identify the possibilities of visualization as one of the political management of urban conflict elements. The article discusses the theoretical aspects of political processes visualization study, as well as features of applying this tool for the regulation of conflicts in urban community. The directions of the use of visualization methods are defined - the analysis of conflict situations, the formation of a symbolic space of conflict, the formation of public opinion.

The latter seems to be the most important in an urban conflict, since it allows actors that do not have significant resource potential to activate wider sections of the urban community and increase their rank in the conflict. On the examples of urban conflicts in the city of Krasnodar, the effects of conflict visualization technologies are analyzed .

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project № 16-03-00402 «The political management of urban conflicts in Russia: actors, strategies, institutional base».

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-03-00402 “Political Management of Urban Conflicts in the Russian Federation: Actors, Strategies, Institutional Foundations”.

The results of the study can be used to improve the efficiency of political management of urban conflicts, improve the methods of their regulation.

Keywords: urban conflict, conflict situations, political management, actors, visualization, political technologies.

Введение

Актуальность анализа визуализации в качестве элемента системы политического управления конфликтами обусловливается многоуровневой совокупностью факторов, актуализированных прежде всего культурно-историческим развитием всего социума. Основополагающим мотивом возникновения феномена целенаправленной визуализации становится так называемый визуальный поворот в культуре общества с последующей аналогичной переориентацией гуманитарных наук[1]. Активизация развития визуальных форм творчества, в том числе появление фотографии, стремительное развитие и диверсификация средств массовой коммуникации, приводит к формированию новых условий обмена информацией и социальных взаимодействий. По мнению Н. Мирзоеффа, визуальная культура становится не просто частью нашей повседневной жизни, она превращается в саму повседневность[2]. Соответственно под влиянием новых условий происходят изменения в жизни как всего социума, так и отдельного индивида. С того времени, как визуальные формы существования смыслов приходят на смену текстовым, человек оказывается погруженным в визуальность, которая постепенно начинает заполнять как коммуникативное, так и жизненное пространство.

Внимание исследователей социальных и гуманитарных наук к социокультурному феномену визуального нарастает с объективным осознанием научного интереса к визуальному повороту в культуре общества. Для современного обществознания характерна диверсификация научных подходов к множеству проявлений визуального. Например, среди ученых, которые внесли весомый вклад в формирование концептуального понимания визуальной культуры в различных ее проявлениях и методологических подходов ее исследования, можно отметить М. Бернарда[3], Н. Мирзоеффа[4], Дж. Уокера, С. Чаплин[5] и других зарубежных и отечественных исследователей. Большое внимание в социальных науках уделяется также использованию визуальных методов и визуальных источников в социологических, антропологических и политических исследованиях, подобные изыскания находят

---

[1]Колодий В.В. Визуальность и ее влияние на социальное познание // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2(14). – С. 90–91.

[2] Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture // Visual Culture Reader. – London; New York: Routledge, 1998. P.3.

[3] Barnard M. Approaches to Understanding Visual Culture. – London: Palgrave, 2001.

[4] Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture // Visual Culture Reader. – London; New York: Routledge, 1998.

[5] Chaplin S., Walker J.A. Visual Culture: an Introduction. – Manchester, 1997.

отражение в работах, например, М. Бэнкса[1], К. Ноулз, П. Сюитмана[2], Дж. Роуз[3], Т.В. Вдовиной[4], О.В. Поповой[5], Т.А. Телятник[6]. Большое внимание в современных исследованиях уделяется также разным аспектам визуальных коммуникаций, например, в работах Дж. Нокса[7], М. Бок, У. Уонты, Ш. Фами[8], С.С. Аванесова[9] и др.

На более позднем этапе развития исследований визуальных феноменов внимание ученых постепенно перетекает в сферу инструментального подхода к визуальным образам и визуализации как целенаправленного процесса. При этом сферы приложения исследовательских усилий оказываются достаточно разнообразными: историческая память, архитектура и визуальное пространство города, политическая коммуникация. Применительно к тематике данной статьи первоочередного внимания требуют прежде всего работы А.А. Жигаревой[10], В.В. Колодия[11], Ф.И. Шаркова[12], Н.Г. Щербининой[13], Р. Барта[14].

Целью исследования является выявление возможностей визуализации в системе мер по политическому управлению городским конфликтом. В соответствии с ней необходимо рассмотреть концептуальные основы

---

[1] Banks M. Using Visual Data in Qualitative Research. – London: SAGE, 1997.

[2] Knowles C., Sweetman P. Picturing the Social Landscape: Visual methods and the sociological imagination. – London: Routledge, 2004.

[3] Rose G. Visual Methodologies: an Introduction to Researching with Visual Matherials. – London: SAGE, 2012.

[4] Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. – 2012. – № 1. – С. 16–26.

[5] Попова О.В. Фотография как объект политологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – № 1. – С. 101–112.

[6] Телятник Т.Е. Методы анализа визуализации политических событий на примере политических фотографий // European Journal of Law and Political Sciences. –2016. – № 1. – С. 62–65.

[7] Knox J. Visual-Verbal Communication on Online Newspaper Homepage // Visual Communication. –2014. – №6(1). – P. 19–53.

[8] Bock M., Fahmy Sh., Wanta W. Visual Communication Theory and Research. – London: Palgrave, 2014.

[9] Аванесов С.С. Визуально-практические аспекты языковой коммуникации // Идеи и идеалы. – 2014. – №1(19) –.Т.1. – С. 91–100.

[10] Жигарева А.А. Визуализация социального пространства современного общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2011.

[11] Колодий В.В. Визуальность и ее влияние на социальное познание // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2(14). – С. 90– 91.

[12] Шарков Ф.И. Визуализация политического медиапространства // Полис.Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 97–108.

[13] Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3(19). – С. 5–13.

[14] Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во. Им. Сабашниковых, 2003.

исследования данного феномена в современной политической науке, особенности использования инструментария визуализации в управлении конфликтом, а также провести анализ конкретных ситуаций, демонстрирующих её потенциал в данной сфере.

Визуализация как политический инструмент

Безусловно, прошлые эпохи не были лишены визуальных форм репрезентации действительности. Прежде всего это существующие в течение длительного времени архитектурные сооружения, воплощающие в себе визуальный облик городов, геральдика и иные виды символов, в том числе национальных, визуальное искусство, одежда. Очевидно, что применительно к массовой коммуникации в рамках инструментального ее понимания перечисленные формы обладали крайне ограниченным или ничтожным объемом функций. Архитектурные ансамбли, например, были подчинены эстетическим целям, нередко совмещая их с тактико-оборонительным предназначением. Одежда как знак транслировала очевидные смыслы, такие как информация о социальном статусе, уровне достатка и т.п.

Возможно, наиболее продвинутыми в этом смысле были отдельные произведения визуального искусства и разного рода символика. В первом случае можно говорить о том, что холсты живописцев разных стран, несущие сюжет осуждения или иронии относительно, например, социального неравенства, социальных пороков, или же патриотические полотна заключают в себе весьма значительную коннотативную нагрузку. Так, например, картины «Бурлаки на Волге» И. Репина или «Свобода на баррикадах» Э. Делакруа очевидно выходят за рамки кадра и мотивируют зрителя к интерпретации в определенном направлении.

Более очевидным инструментальным функционалом обладают разного рода символические формы визуального существования реальности. Так, А.В. Колосов относит к ним разнообразные предметы-символы, окружающие человека и способные проникнуть даже в его личное пространство (значки, пуговицы, сувениры), а также военную форму и масштабные сооружения, памятники и другие элементы материально-визуального устройства пространств[1]. В данном случае подобные знаки, исходящие от правящего класса, могут весьма эффективно легитимировать существующий политический строй или режим. Из вышеизложенных рассуждений также видно, что нередко знаковые формы визуального существования действительности

[1] Колосов А.В. Визуальные коммуникации в социально-политических процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. –2006. – № 1(16). – С. 81.

переплетаются с другими, например, архитектурой и одеждой, но вместе с тем могут быть совершенно однозначно от них отделены.

Однако, как уже отмечалось, рассмотренные формы конструирования того или иного восприятия социальной и политической действительности имели в традиционном обществе достаточно ограниченное значение и в полной мере не могут рассматриваться как политический инструмент. В качестве их очевидного недостатка можно определить статичность, в том числе обусловленную ресурсоемкостью их создания. Видимое достоинство – способность окружать человека, проникать в его личное пространство. Такое преимущество, однако, является условным, поскольку оно присуще не всем перечисленным средствам, а нынешние инструменты демонстрируют превосходство и в рамках этого параметра.

Современное информационное общество рождает множество новых форм визуального отражения действительности, характеризующихся высокой степенью динамичности и интенсивности. В полной мере визуализация как инструмент формирования не просто восприятия реальности, а самой реальности в массовом сознании восходит своими корнями к развитым средствам массовой коммуникации.

На пути к инструментальному пониманию визуализации социальных и политических процессов в современном обществе может быть положено синтетическое представление о ней, сформулированное в двух посылках Ф.И. Шарковым[1]. С одной стороны, это средство ориентирования в окружающем пространстве, а с другой – представления мира в других измерениях и плоскостях. Таким образом, в этом положении задается возможность влиять на ориентирование человека в реальности, трансформировать его ориентиры в окружающем мире. Более того, сопоставление исходных посылок указывает не на определенную последовательность «влияние-на-ориентирование», а на фактическое совмещение ориентирования и изменения, коим по сути является перевод в другое измерение или плоскость. Соответственно в этом смысле понятие «визуализация» – это неразрушимое единство ориентирования и трансформации ориентиров, то есть представление в зрительной форме в данном случае становится вторичным, уступая место искажению образов, причем искажению управляемому.

В качестве основы понимания визуализации можно принять определение,

[1] Шарков Ф.И. Визуализация политического медиапространства //Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 98.

которое на основе глубокого теоретического анализа в рамках диссертационного исследования предложила А.А. Жигарева. Исходя из того, что визуализация в современных условиях становится социальным явлением, она есть «процесс активной мыслительной деятельности по воплощению объективной реальности в виде зрительно воспринимаемых изображений, а также придания зримой формы как реально существующим, так и созданным искусственно в сознании любым мыслимым объектам и явлениям, результаты которого активно влияют на различные аспекты жизни социума»[1].

Важным уточняющим положением в контексте данной статьи также является идея Н.Г. Щербининой, согласно которой в основе любого визуального образа лежит идея, выраженная символическим рядом[2]. Тогда в итоге можно выделить несколько сущностных черт визуализации как политического инструмента.

Во-первых, это процесс, направленный на представление в форме визуальных образов тех или иных объектов, явлений или процессов, которые ранее в такой форме (во всей своей полноте) с большей вероятностью не существовали.

Во-вторых, создаваемые образы несут в себе определенную идею.

В-третьих, визуализация может менять объективную реальность, перенося ее в сознание индивида в виде образа или набора образов с измененной системой ориентиров. Перечисленные черты позволяют воспринимать визуализацию как некий инструмент, способный передавать смыслы через зрительные образы и тем самым создавать ожидаемое (заданное) восприятие объективной реальности, в том числе политической. Визуальный образ можно принять за единицу визуализации. Он выступает в данном случае неким символическим средством конструирования политического мира. Факты политической действительности на деле выступают скорее как своеобразные конструкты-тексты, которые в итоге считывает потребитель информации. В итоге реальность конструируется, когда видимый образ достраивается воображением и объективный мир заменяется воображаемым[3]. В этом смысле даже статическая фотография, которая, казалось бы, фиксирует реальность, как правило, может содержать в себе богатые стимулы для интерпретации

---

[1] Жигарева А.А. Визуализация социального пространства современного общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2011. – С. 14–15.

[2] Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3(19). – С.5.

[3] Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3(19). – С.5.

изображаемых событий, особенно если речь идет о политической фотографии[1]. Еще Р. Барт указывал на то, что все визуальные формы помимо фотографического аналога реальности рассчитаны на отклик в системе ценностей и культуре общества[2].

И чем больше процесс визуализации будет являться контролируемым и целенаправленным, тем в большей степени она может пониматься как особый ресурс влияния на общество.

Потенциал визуализации в политическом управлении конфликтом

Рассматривая визуализацию как один из элементов политического управления конфликтами, можно выделить несколько аспектов реализации её потенциала.

Различные формы визуализации традиционно используются для изучения конфликтов и придания большей наглядности представлениям о них. Так, широко используются методы картрирования (картографирования) конфликтов (информационно-графического, социально-статистического, индивидуального и др.), которые обеспечивают описание социального пространства взаимодействия участников, дефицитных ресурсов какой-либо территории, представлений о конфликтах и т.д.[3]. Наибольшую ценность данный аспект визуализации имеет на этапе политико-управленческого цикла, связанном с разработкой альтернатив, принимаемых в условиях конфликта решений. Картрирование путём выявления противоречий и связей между участниками конфликта способствует рационализации управленческого воздействия. Кроме того, данный метод создаёт картину конфликта, которая, в случае демонстрации её конфликтующим, способна менять их представления о происходящем и, как следствие, мотивацию действий. Визуализация конфликта через карты, чертежи, таблицы является способом структурирования ситуации через кооперативное взаимодействие в переговорном процессе[4]. Также визуализация используется в качестве одного из важных элементов при создании специализированных программ управления городскими конфликтами[5].

---

[1] Сазантович А.Б. Фотография политики и политическая фотография: содержательный аспект // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – № 1. – С. 164.

[2] Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во. Им. Сабашниковых, 2003. – С.282.

[3] См. подробнее: Вавилина Н.Д., Скалабан И.А. Социальное картрирование: метод исследования и инструмент развития территории. – Новосибирск: Сибпринт, 2015.

[4] Ket J. S., Yustus T. I. Visualization Techniques in Negotiation Process // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4. –2014. – № 7. – P. 639-646.

[5] Santorineou A., Hatzopoulos J., Siakavara K. & Davos C. (2010). *Spatial conflict management in urban planning.* URL: http://www.aegean.gr/environment/labs/remote_sensing/publications/athina_jnh_geograeg.pdf

Важным аспектом политического управления конфликтом является использование методов визуализации для формирования символического пространства конфликта. «Визуальный дискурс» конфликта проявляется, к примеру, в цветовой дифференциации угроз и рисков, способных привести к обострению имеющихся противоречий[1]. Высший уровень угроз обозначается как «красная зона», что само по себе актуализирует представление об опасности происходящего. Также техники визуализации используются для закрепления символических представлений об участниках конфликтов и их интерпретациях противостояния. Таковы отображения власти (Кремль, скипетр, держава и др.), оппозиции («белая лента»), маркировки самих конфликтов («оранжевая революция», «революция роз»). Наличие визуальных маркеров в конфликте создаёт своеобразную систему распознавания «свой – чужой», а также способствует закреплению в сознании участников определённых смыслов происходящего. Визуальные образы подталкивают к определённым интерпретациям конфликтной ситуации, в ходе которой субъект не только воспринимает её тем или иным образом, но ещё и конструирует свою диспозицию в ней, а также диспозицию и характеристики противостоящего актора[2]. Следовательно, визуализация может рассматриваться как средство мобилизации и сплочения конфликтующих сторон, через которое реализуются соответствующие функции конфликта.

Ещё один аспект визуализации конфликта связан с формированием общественного мнения по поводу происходящего у «третьих сторон» конфликта. Общественное мнение является важным ресурсом в конфликтах, имеющих политическую составляющую, в той степени, в какой оно влияет на исход конфликта через институционализированные и не институционализированные каналы. Феномен «войны визуальных образов», отмечается исследователями как существующий со второй половины XIX в.[3], а возможно, и ранее. В современной России он наиболее ярко проявился в противостоянии власти и оппозиции в 2011–2012 гг., когда «народная поддержка» власти противопоставлялась «оппозиционному креативному классу», в том числе и на основе создания визуальных рядов в фото- и

---

[1] Летяев В.А., Егоров Г.Г. Цветовая визуализация конфликта в юридическом тексте как способ предотвращения социального конфликта // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 327.

[2] Щукин Д. А. Проблема конструирования врага в контексте интерпретации конфликта // Конфликтология. – 2010. – № 4. – С. 159.

[3] Norris S. M. A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812–1945. –DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006.

телерепортажах[1]. В силу скорости распространения (в первую очередь через социальные медиа) и простоты восприятия отображаемого контента такой метод управления общественным мнением является весьма действенным.

Последний из указанных аспектов визуализации конфликта наиболее важен для взаимодействия участников городских конфликтов. Значение символической визуализации в них ослаблено, т.к. конфликты такого типа, как правило, не имеют существенной идеологической составляющей, а противоречия между участниками не воспринимаются ими через категории политической принадлежности. (В то же время отдельные составляющие городских конфликтов могут закрепляться как визуальные символы противостояния власти и городской общественности, как это произошло с Исаакиевский собором в Санкт-Петербурге). Роль визуальных средств отображения структуры конфликта обычно реализовывается лишь в тех случаях, когда для управления ими привлекаются специализированные структуры (посредники и др.), что происходит далеко не всегда. При этом фотографии и видео конфликтных ситуаций, а также свойственные для интернет-среды средства визуализации (мемы, «фотожабы» и др.) являются для участников, прежде всего для различных групп городской общественности, действенным и не требующим значительных ресурсов средством для вовлечения в конфликт более широких слоёв горожан. Их мнение и уровень активности, как правило, становятся решающими факторами принятия тех или иных решений по управлению конфликтом. Таким образом, участники конфликта, представляющие изначально более слабые стороны, могут повысить свой ранг. Надо отметить, что посредством мониторинга социальных сетей, реализуемого городскими властями, визуальные образы конфликта находятся также в зоне их восприятия.

Визуализация городского конфликта и её эффективность (анализ конкретных ситуаций)

Рассмотрим реализацию потенциала визуальных средств восприятия и её эффективность в сфере политического управления городскими конфликтами на примере г. Краснодара.

Одним из показательных случаев использования визуализации для создания общественного мнения и влияния на принятие политико-административных решений стала конфликтная ситуация, связанная с изменением структуры дорожного движения на одной из главных магистралей

[1] Кальк А. «Креативная» Болотная и «Народная» Поклонная: визуальный ряд митингов в российских СМИ // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2012. – № 2. – С. 164– 172.

города (ул. Северная) в октябре 2014 г. Основным изменением стало выделение особых полос движения общественного транспорта. Опыт открытия подобных полос на некоторых улицах города у администрации уже был, и они не вызвали особого раздражения автомобилистов. Однако создание полосы на ул. Северной привело к возникновению автомобильных пробок, которые со временем увеличивались[1]. Недовольство горожан сложившейся ситуацией ширилось, в социальных сетях стали распространяться призывы к организации акции протеста против дискриминации автомобилистов[2].

Широко использовались средства визуализации проблемы, вызвавшей конфликт. В частности, через социальные медиа распространялись фотографии автомобильных пробок (как панорамные, так и «от первого лица»), скриншоты карт из поисковых систем Интернет с графическими изображениями заторов в районе ул. Северной.

Следовательно, субъекты, сами не побывавшие в этих пробках, смогли почувствовать значимость и масштаб проблемы, связать её с общим ухудшением транспортной ситуации в городе. Контраргументы представителей городской администрации, пытавшихся с помощью математических расчётов доказать полезность принятых мер для ускорения пассажиропотока, оказались в этой ситуации существенно менее действенными. В результате Губернатор Краснодарского края отдал распоряжение вернуть схему движения к первоначальному варианту[3], что удовлетворило большую часть граждан, высказывавших своё мнение по этому поводу. Мнение определённой части горожан, отдавших предпочтение ускоренному движению общественного транспорта, не было принято во внимание. Таким образом, визуальная составляющая коммуникаций участников конфликта в данном случае оказала существенное влияние на его результат.

Значительно влияние визуального компонента и в случае с конфликтом,

---

[1]Краснодарцы второй день стоят часами в пробке на ул. Северной. – URL: http://www.yugopolis.ru/news/social/2014/10/14/74825/transport-dorojnoe-dvijenie (дата обращения: 11.08.2018)

[2]Краснодарцы планируют провести акцию против выделенной полосы на ул. Северной. – URL: http://www.yugopolis.ru/news/social/2014/10/22/75227/dorojnoe-dvijenie-organizaciya-dvijeniya-ul-severnaya. Пример обсуждения ситуации в социальных сетях можно увидеть здесь: Типичный Краснодар. – URL: https://vk.com/typical_krd?w=wall-33025155_3061550 (дата обращения: 11.08.2018)

[3] Ткачев распорядился убрать выделенные полосы с улицы Северной. – URL: http://www.yugopolis.ru/news/ social/2014/10/23/75239/aleksandr-tkachev-krasnodar-avtomobilnye-probki-dorojnoe-dvijenie-ulica-severnaya-ul-severnaya (дата обращения: 11.08.2018)

возникшим в г. Краснодаре по поводу реконструкции одной из городских улиц – Ростовского шоссе – в первой половине 2016 г. В ходе работ была вырублена часть деревьев между шоссе и жилыми домами, а также предполагалось расширение проезжей части в сторону последних. Жители домов ответили организацией пикетов и митингов, главным объектом критики которых являлась городская администрация[1]. Кампания противодействия была развёрнута и в on-line пространстве при поддержке экологических активистов. Визуальный ряд конфликта составили публикуемые в социальных сетях фотографии, дающие возможность увидеть остатки вырубленных деревьев на месте зеленой зоны, а также горожан, выходящих на одиночные пикеты с плакатами против асфальтоукладчиков. Поскольку данный конфликт развивался в русле противостояния краевой и городской администрации, этот ряд дополнялся также репортажами краевого телевидения с митингов жителей домов, выражающих свои претензии к последней. Протестующие жильцы были представлены как жертвы агрессивных действий дорожников, поддержанных административными структурами. Немалую роль сыграло и обсуждение плана реконструкции, опубликованного в СМИ. Его обсуждение позволило противникам вырубки деревьев доказать возможность иного варианта строительства, не затрагивающего спорную территорию. Экологам удалось добиться рассмотрения ситуации на заседании Совета по правам человека при Президенте РФ[2]. В результате планы реконструкции были изменены, а сам конфликт стал предметом широких общественных дискуссий и значительным ударом по имиджу городской администрации и мэра г. Краснодара. Принятие политико-управленческих решений в данном случае также в значительной степени обусловлено грамотным использованием одной из сторон потенциала визуального воздействия. Большая часть аудитории, непосредственно не участвующей в конфликте и не наблюдающей конфликтной ситуации воочию, судя по реакции в социальных сетях, стала на сторону протестующих. При этом многие горожане, как автомобилисты, были объективно заинтересованы в расширении полос движения. Однако дорожникам и городской администрации не удалось столь же визуально убедительно представить им свои планы и аргументы.

---

[1] Краснодар 5 марта. Жители Ростовского Шоссе-Зиповской провели митинг протеста против незаконных действий власти. – URL: http://dakrasnodar.ru/info/news-kuban/05-03-2016-miting-krasnodar-rostovskoe-shosse.html(дата обращения: 11.08.2018)

[2] Ситуацию с капитальным ремонтом по ул. Ростовское шоссе в Краснодаре рассмотрели на заседании Совета при Президенте РФ по правам человека (СПЧ). – URL: http://krd.ru/administratsiya/struktura-administratsii/glava_goroda/news_21032016_230152.html (дата обращения: 11.08.2018)

Ещё одним примером влияния визуализации на конфликтное взаимодействие через социальные медиа стали события, связанные с проектом строительства транспортной развязки на одном из наиболее оживлённых мест города – на пересечении улиц Ставропольской и Старокубанской. Ежедневные заторы транспорта, возникающие на этом месте, побудили городскую и краевую администрации разработать этот дорогостоящий проект (речь шла о 6,7 млрд. руб. в ценах 2014 г.). При этом возникла опасность, что в период строительства значительная часть города будет парализована в транспортном отношении. Городская администрация также испытывала обоснованные опасения в возможности реализации проекта в связи с финансовым кризисом. Однако была проведена предварительная проработка проекта, результаты которой, в том числе и визуальное оформление, вписанное в контекст городского пространства, были представлены на публичных мероприятиях. Вид развязки, которую предполагалось сделать трёхуровневой, породил дискуссии в среде городских активистов. В социальной сети Facebook было создано сообщество «Краснодар против развязки на Старокубанской»[1], члены которого поддерживали позицию о невозможности решения транспортной проблемы подобным образом. Результатом дискуссии стало фактическое сворачивание проекта, который был признан неподходящим для городских условий. В данном случае визуализация проекта может рассматриваться как метод воздействия со стороны администрации, предполагавшей отрицательную реакцию, хотя нельзя утверждать, насколько осознанным и целенаправленным был подобный шаг.

Выводы

Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что визуализация играет существенную роль в системе мер по управлению городским конфликтом, что связано с присущими визуальным коммуникациям особенностями восприятия. Использование визуальных образов имеет в таких конфликтах высокую степень эффективности с точки зрения формирования общественного мнения, так как придаёт освещению конфликтной ситуации наглядность и конкретность. Локализация конфликта на территории и в социальном пространстве города предполагает наличие повышенного внимания наблюдателей к возникшей проблеме и формирование определённого отношения к ней, выход из состояния нейтралитета.

[1] Краснодар против развязки на Старокубанской. – URL: https://www.facebook.com/groups/razvyazka/?fref=ts(дата обращения: 11.08.2018)

Визуализация обеспечивает эмоциональную "привязку" горожанина к месту конфликта, повышает его вовлечённость в ситуацию, особенно если проблема так или иначе отражает его собственные умонастроения. Визуальные отображения конфликта быстро распространяются через социальные медиа и другие каналы массовой коммуникации, что позволяет в короткие сроки охватить значительную аудиторию и вывести конфликт в общегородскую повестку или на более высокий уровень политического управления. С учётом отсутствия необходимости задействовать значительные ресурсы для распространения информации и привлечения внимания к ней, расширение конфликтного дискурса с помощью визуальной составляющей способствует повышению конструктивного потенциала политического управления городским конфликтом.

Библиография/References:

1. Аванесов С.С. Визуально-практические аспекты языковой коммуникации // Идеи и идеалы. – 2014. – № 1 (19). – Т. 1. – С. 91–100.

2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во. им. Сабашниковых, 2003.

3. Вавилина Н.Д., Скалабан И.А. Социальное картрирование: метод исследования и инструмент развития территории. – Новосибирск: Сибпринт, 2015.

4. Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. – 2012. – № 1. – С. 16 – 26.

5. Жигарева А.А. Визуализация социального пространства современного общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2011.

6. Кальк А. «Креативная» Болотная и «Народная» Поклонная: визуальный ряд митингов в российских СМИ // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2012. – № 2. – С. 164–172.

7. Колодий В.В. Визуальность и ее влияние на социальное познание // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2 (14). – С. 90–96.

8. Колосов А.В. Визуальные коммуникации в социально-политических процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 1 (16). – С. 81–87.

9. Летяев В.А., Егоров Г.Г. Цветовая визуализация конфликта в юридическом тексте как способ предотвращения социального конфликта // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 324–339.

10. Попова О.В. Фотография как объект политологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – № 1. – С. 101–112.

11. Сазантович А.Б. Фотография политики и политическая фотография: содержательный аспект // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – № 1. – С. 160–165.

12. Телятник Т.Е. Методы анализа визуализации политических событий на примере политических фотографий // European Journal of Law and Political Sciences. – 2016. – № 1. – С. 62–65.

13. Шарков Ф.И. Визуализация политического медиапространства // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 97–108.

14. Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 5–13.

15. Щукин Д. А. Проблема конструирования врага в контексте интерпретации конфликта // Конфликтология. – 2010. – № 4. – С. 156 – 163.

16. Banks M. Using Visual Data in Qualitative Research. – London: SAGE, 1997.

17. Barnard M. Approaches to Understanding Visual Culture. – London: Palgrave, 2001.

18. Bock M., Fahmy Sh., Wanta W. Visual Communication Theory and Research. – London: Palgrave, 2014.

19. Chaplin S., Walker J.A. Visual Culture: an Introduction. – Manchester, 1997.

20. Ket J. S., Yustus T. I. Visualization Techniques in Negotiation Process // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4. – 2014. – № 7. – P. 639–646.

21. Knowles C., Sweetman P. Picturing the Social Landscape: Visual methods and the sociological imagination. – London: Routledge, 2004.

22. Knox J. Visual-Verbal Communication on Online Newspaper Homepage // Visual Communication. –2014. – № 6(1). – P. 19–53.

23. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture // Visual Culture Reader. – London; New York: Routledge, 1998.

24. Norris S. M. A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812–1945. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006.

25. Rose G. Visual Methodologies: an Introduction to Researching with Visual Matherials. – London: SAGE, 2012.

26. Santorineou A., Hatzopoulos J., Siakavara K. & Davos C. (2010). Spatial conflict management in urban planning. – URL: http://www.aegean.gr/environment/labs/remote_sensing/publications/athina_jnh_geograeg.pdf

1. Avanesov, S.S. (2014) Vizual'no-prakticheskie aspekty yazykovoj kommunikacii [Visual and practical aspects of language communication] // Idei i idealy [Ideas and ideals]. – № 1(19). – V. 1. – P. 91–100. (In Russ.)

2. Bart, R. (2003) Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. – M.: Izd-vo. im. Sabashnikovyh. (In Russ.)

3. Vavilina, N.D., Skalaban, I.A. (2015) Social'noe kartrirovanie: metod issledovaniya i instrument razvitiya territorii [Social mapping: a research method and a tool for the development of a territory]. – Novosibirsk: Sibprint. (In Russ.)

4. Vdovina, T.V. (2012) Vizual'nye issledovaniya: osnovnye metodologicheskie podhody [Visual research: basic methodological approaches] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Sociologiya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Sociology]. – № 1. – P. 16–26. (In Russ.)

5. ZHigareva, A.A. (2011) Vizualizaciya social'nogo prostranstva sovremennogo obshchestva (social'no-filosofskij analiz) [Visualization of the social space of modern society (socio-philosophical analysis)]: avtoref. dis. … kand. filos. nauk – M. (In Russ.)

6. Kal'k, A. (2012) «Kreativnaya» Bolotnaya i «Narodnaya» Poklonnaya: vizual'nyj ryad mitingov v rossijskih SMI ["Creative" Bolotnaya and "Narodnaya" Poklonnaya: a visual series of meetings in the Russian media] // Laboratorium. ZHurnal social'nyh issledovanij [Laboratorium. Journal of Social Research]. – № 2. – P. 164–172. (In Russ.)

7. Kolodij, V.V. (2011) Vizual'nost' i ee vliyanie na social'noe poznanie [Visuality and its impact on social cognition] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal Of Philosophy Sociology And Political Science]. – № 2 (14). – P. 90–96. (In Russ.)

8. Kolosov, A.V. (2006) Vizual'nye kommunikacii v social'no-politicheskih processah [Visual communications in social and political processes] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Politologiya [Bulletin of Peoples'

Friendship University of Russia. Ser. Political science]. – № 1 (16). – P. 81–87. (In Russ.)

9. Letyaev, V.A., Egorov, G.G. (2012) Cvetovaya vizualizaciya konflikta v yuridicheskom tekste kak sposob predotvrashcheniya social'nogo konflikta [Color visualization of the conflict in the legal text as a way to prevent social conflict] // Social'nyj konflikt v razlichnyh normativno-semioticheskih sistemah [Social conflict in various regulatory and semiotic systems]. – Kazan': Kazan. un-t. – P. 324–339. (In Russ.)

10. Popova, O.V. (2010) Fotografiya kak ob"ekt politologicheskogo analiza [Photography as an object of political analysis] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6. Philosophy. Culturology. Political science. Right. International relationships]. – № 1. – P. 101–112. (In Russ.)

11. Sazantovich, A.B. (2012) Fotografiya politiki i politicheskaya fotografiya: soderzhatel'nyj aspekt [Policy photography and political photography: the content aspect] // CHelovek. Soobshchestvo. Upravlenie [Human. Community. Management]. – № 1. – P. 160–165. (In Russ.)

12. Telyatnik, T.E. (2016) Metody analiza vizualizacii politicheskih sobytij na primere politicheskih fotografij [Methods for analyzing the visualization of political events on the example of political photographs] // European Journal of Law and Political Sciences. – № 1. – P. 62–65. (In Russ.)

13. SHarkov, F.I. (2016) Vizualizaciya politicheskogo mediaprostranstva [Visualization of the political media space] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. – № 5. – P. 97–108. (In Russ.)

14. SHCHerbinina, N.G. (2012) Vizual'nyj fenomen v politicheskoj reprezentacii [A visual phenomenon in political representation] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science]. – № 3(19). – P. 5–13. (In Russ.)

15. SHCHukin, D. A. (2010) Problema konstruirovaniya vraga v kontekste interpretacii konflikta [The problem of constructing an enemy in the context of interpreting conflict] // Konfliktologiya [Conflictology]. – № 4. – P. 156–163. (In Russ.)